

Ксения Мирошник

СКВОЗЬ ВЕКА
НЕВЫНОСИМАЯ МИСС ПЭГ

Глава 1

МУЗЕЙ РОДЕНА

Такси свернуло с бульвара Инвалидов на улицу де Варенн и все ближе подбиралось к музею Родена. Я сжимала в руках клочок бумаги с напечатанным на нем адресом и пыталась справиться с волнением. Капли мелкого дождя стекали по окну и собирались у его основания, образуя унылую лужицу. Несмотря на пасмурную погоду и уже успевшую опуститься на Париж ночь, на улице не было холодно, но по моей спине почему-то пробежал мороз.

Автомобиль притормозил у входа в великолепный сад, который я уже видела, когда только-только переехала в столицу. Выставленные здесь работы почившего десять лет назад скульптора Огюста Родена манили не только туристов, но и горожан. Никогда не смогу забыть, какое впечатление на меня произвел его «Поцелуй». Впервые увидев эту композицию, я застыла как вкопанная, не в силах оторвать глаз от великолепной целующейся пары. Какие линии, какая грация и, несомненно, страсть. Общественность по-разному воспринимала творчество талантливого мастера, одни восхищались новатором, другие откровенно порицали. Не сказать, чтобы я прекрасно разбиралась в искусстве, но понять, насколько мне нравится то или иное произведение, была способна.

Прежде чем выйти из машины, глубоко вдохнула через нос и выдохнула ртом. Я не считала себя трусливой, но и абсолютно безрассудной тоже не была. Ночные прогулки по наводке, взявшейся буквально из ниоткуда, могут обернуться бедой. Нащупала в кармане пальто старенький револьвер отца, и на душе заметно потеплело. Меня научили стрелять еще в детстве, хотя это полезно, лишь когда оружие есть под рукой. Иногда подобные умения не спасают.

Открыла дверцу и мысленно чертыхнулась, опуская ноги в лужу. Терпеть не могу, когда в туфлях хлопает. Вообще, дождь

сам по себе меня никогда не пугал, я его даже любила, но мокрые ноги — это совсем другое. Подняла воротник и поежилась, когда осталась совсем одна под слабым светом фонаря. Сад — это, конечно, красиво, но не в тот момент, когда каждая тень из-за угла способна довести до безумия.

— Улица де Варенн, семьдесят семь. «Врата ада», — пробормотала написанное на бумажке.

Понять, что это значило, мог любой парижанин. «Врата ада» — это одна из монументальных скульптур Родена, выставленная слева от входа в парк. Ее я тоже уже видела, но по сей день считала непостижимой. Довольно амбициозная работа, представляющая собой, как и следовало из названия, ворота, только буквально облепленные разного рода фигурами и отдельными композициями. Тела, тягучие и пластичные, прорывались сквозь камень и вызывали смешанные чувства. Именно во мне — ни одного позитивного, поэтому сейчас новая встреча с музеем вызывала мурашки по коже.

Я осмотрелась и снова засунула руку в карман, чтобы почувствовать холод металла, создававшего иллюзию безопасности. Что ж, раз уж решила приехать, медлить смысла не было.

Музей расположился в прекрасном особняке Бирон, который был построен в восемнадцатом веке и задумывался как отель. Его окружал огромный парк, где и находились многочисленные работы скульптора. Ворота оказались приоткрытыми, это насторожило, но, еще раз хорошенько оглядевшись, я все-таки вошла.

Неприятная морось вымочила пальто, я поежилась, но продолжила двигаться вперед. Для надежности достала фонарик, чтобы в любую минуту осветить свой путь. Далеко идти не пришлось, устрашающая скульптура Родена, вдохновленного «Божественной комедией» Данте, возникла передо мной быстрее, чем я ожидала. Не до конца понимая, зачем приехала и какая неведомая сила явила мне этот адрес, я остановилась. Медленно обвела слабым лучом света сначала серую кирпичную стену позади врат, а потом и само изваяние. Ничего необычного не заметила, поэтому сделала несколько шагов вперед, продолжая водить фонариком вокруг себя.

Задержавшись на скульптуре, осознала, что в ночи она выглядит еще более удручающей, вызывающей уныние и чувство полной безнадежности. Роден заключил в нее все пороки и вложил ад собственной любви, которой вдохновлялся и которой губил своих любовниц.

Луч фонаря освещал мрачные лица и изгибы фигур, скользил по фасаду, ласкал разнообразные части человеческих тел, истерзанных и страдающих. В тот момент, когда я уже успокоилась, не обнаружив ничего более ужасного, чем сама скульптура, свет, который опустился к подножию, выхватил что-то странное. Я застыла, чувствуя, как тело опалает жар. Возможно, показалось.

Несколько раз выдохнув и постаравшись замедлить учатившийся от страха пульс, я вернулась к тому месту, что привлекло мое внимание. Увиденное заставило меня резко накрыть рот ладонью, чтобы не вскрикнуть. Сердце вновь суматошно застучало, а ноги слегка подкосились. Я зажмурилась и заставила себя сделать несколько больших глотков воздуха, чтобы вернуть самообладание. Профессия журналиста не любит слабаков и трусов. Несмотря на то что редактор еще не доверял мне ничего, кроме освещения светской хроники, такой я была с самого детства — жесткой и напористой. Но даже природные качества не помогают, когда ночной кошмар врывается в реальность.

У подножия врат, раскинув руки в стороны, лежало почти полностью обнаженное тело девушки. Очень медленно и осторожно я приблизилась, стараясь ничем не нарушить обстановку. От знакомых в полиции слышала, что не только само тело, но и все, что его окружает, очень важно для расследования.

Голова девушки оказалась повернута к вратам, поэтому лица ее я не видела. Босые ноги в одном разорванном чулке были в синяках и ссадинах, на ногтях — лак рубинового цвета, по крайней мере, он казался таким в свете фонаря. Стараясь не обращать внимания на дрожь в коленях, я продолжила рассматривать тело. Дальше мне бросились в глаза коротенькие шелковые панталоны, на которые стекала кровь из раны над пупком. Сама рана выглядела безобразно, не как просто порез или что-то в этом роде, а будто ее разорвали. Я отвернулась и зажмурилась, пытаясь подавить тошноту. Сквозь зажатые веки проступили слезы, и ужас произошедшего с бедняжкой навалился всей своей тяжестью.

Ощувив подступающую панику и сопутствующий ей жар, я запрокинула голову и подставила лицо холодным каплям. Нельзя было допустить, чтобы нервы сдали, пришлось снова начать глубоко вдыхать и медленно выдыхать.

Я осознавала, что необходимо вызвать полицию, но прежде чем меня выдворят прочь, нужно все хорошенько осмотреть. Я не раз просилась в помощницы к моему другу Жерому, веду-

шему криминальную хронику. И хотя положительного ответа пока не было, мои заметки могли стать прекрасным поводом для манипуляций.

Стараясь больше не смотреть на рану — мне вполне хватило и первого взгляда, — я скользнула по обнаженной груди. Заметила что-то блестящее и присела неподалеку, разглядывая серебряный медальон. В таких обычно хранили фото. Маленький резной овал был приоткрыт, будто приглашал заглянуть внутрь. Я так и сделала. Как и предполагала, там оказались фото мужчины и женщины средних лет. Рассмотреть детально, не приближаясь, возможности не было, но это лучше, чем ничего.

— Вероятно, твои родители, — пробормотала я и поднялась.

Подойти с другой стороны и взглянуть в ее лицо и при этом не наследить так, чтобы меня не обругали ажаны¹, было невозможно, поэтому от этой мысли все же пришлось отказаться. Еще раз тщательно все осмотрев, я отправилась на поиски телефона, чтобы вызвать сначала Дениз, мою помощницу — фотографа, а потом уже полицию.

В ожидании укрылась под одной из крыш неподалеку от входа в парк, достала сигарету и мундштук. С удовольствием затянулась и выдохнула. Немного тряслись руки, и промокшее тело дрожало, но эта прохлада не давала возможности расслабиться и погрузиться в давно позабытые чувства. Я пыталась понять, отчего кому-то понадобилось заманивать меня сюда, но, во-первых, так и не смогла придумать, как именно адрес оказался в моей личной печатной машинке, а во-вторых, почему оказался он именно у меня. Чья-то злая шутка? Но в таком случае это не шутка злая, а сам шутник, ведь он должен был знать о трупке. Я поежилась и, мучимая дурным предчувствием, плотнее запахнула пальто. Вокруг меня происходила какая-то чертовщина, и ее нужно было хоть как-то объяснить ажанам.

Дениз приехала довольно быстро, вытащила из такси аппаратуру для ночной съемки, поправила шляпу и взглядом спросила, куда идти. Стоило подруге появиться, как мне стало гораздо легче дышать. Ее собранность, спокойствие и самообладание всегда служили нам обоим хорошую службу. Дениз, как и я, была решительной, слегка грубоватой, но глубоко внутри чувственной. Ее манера одеваться в мужской костюм и холодность суждений иногда не нравились окружающим, но Дениз плевала на это. Она никогда не строила из себя того, кем не была на самом деле. Короткие волосы, ни грамма косметики,

---

¹ А ж а н — французский полицейский. — *Здесь и далее примеч. авт.*

колючие холодные серые глаза, напряженный рот с тонкими губами и острый, но вполне симпатичный нос. Внешне девушка была интересной, но ее этот факт не волновал вовсе. И за это я любила ее еще больше.

— Жаль, не видно лица, — сказала она, так же, как и я некоторое время назад, разглядывая тело. — Хотя... есть что-то знакомое в ней, тебе не кажется?

— Нет, — встрепенулась я. — А тебе она кого-то напоминает?

Дениз собиралась сделать шаг ближе, но тоже остереглась. Мы обе старались поддерживать максимально приятельские отношения с полицией. Я искренне считала, что лучше получать выгоду друг от друга, чем бодаться и лезть на рожон.

— Ее волосы, — показала пальцем Дениз, — посвети-ка еще.

Я сделала, как просила подруга, и мы обе уставились на темные кудри, которые закрывали повернутое лицо. На первый взгляд не было ничего особенного, я и вовсе на них не смотрела в первый раз. Но Дениз — другое дело. Она фотограф, личность творческая, очень восприимчивая к мелочам.

— Что тебя заинтересовало?

— Это там не лепестки? Виднеется что-то белое...

Изо всех сил присмотревшись, я наконец увидела то, на что указывала моя приятельница. Действительно, в волосах жертвы запутались лепестки. Догадка тут же ворвалась в голову, внутри все похолодело.

— Ты же не думаешь?.. — пробормотала растерянно.

— Посмотри, — пожав плечами, сказала она, — и цвет волос, и фигура, и эти цветы...

— погоди, — не желая верить первой догадке, возразила я, — ее фигура вполне обычная, таких девушек много. И волосы. Да и не она одна носит цветы в волосах...

— Возможно, но я нутром чувствую, Долз, что это именно та, о ком я думаю!

— Черт! Только этого не хватало!

Дениз развернулась ко мне всем телом и смерила строгим взглядом. Я видела, как она прикидывала варианты развития событий и ни один ей не нравился.

— Как ты попала сюда?

Этого вопроса я боялась и совсем его не хотела. Понятия не имела, как можно объяснить, что именно произошло сегодня вечером в моей квартире.

— Как ты узнала? — продолжила спрашивать подруга. — Не место, да и не время для прогулок, Долли!

Имя мое она произнесла сурово, но даже ее тон не помог придумать более или менее адекватный ответ.

— Тогда я думаю, что нам пора убираться отсюда...

Подруга грубо схватила меня за плечо и развернула к выходу из парка, но было уже поздно.

— Ты не только меня вызвала, но и ажанов? — процедила она сквозь зубы, когда увидела свет от полицейских фонариков, плясавший на дорожках.

— Я еще не знала, что все так серьезно...

— Ну, зато теперь знаешь, и тебе нужно придумать что-то более вразумительное, чтобы объясниться с ними.

К «Вратам ада» приближались несколько ажанов в форме, а среди них двое в штатском.

— Дьявол! — буркнула Дениз. — Больше некого было вызвать?

— Я их не вызывала, просто сообщила о находке.

Полицейские фонарики скользнули по нашим лицам, я подняла руку и прикрыла глаза от света. Послышался недовольный выдох:

— Мисс Пэг? Мадемуазель Бош? — вскинул густые брови один из штатских.

Мужчина среднего роста, худощавого телосложения, но те, кто видел его боксирующим, говорят, что комиссар жилистый и изворотливый. Русые волосы, карие глаза, демонстрирующие сейчас тяжелый взгляд, кривой нос и вечная ухмылка. Возраст определить довольно сложно — комиссар был из тех, кому можно было с легкостью дать и тридцать пять, и сорок пять лет. Видавший виды серый костюм, старенькие, но добротные ботинки, поношенная шляпа.

Его звали Реми Гобер. Не самый удачный вариант, выпавший нам в эту ночь. Встречались мы всего несколько раз, на пятки друг другу не наступали, поскольку сферы деятельности у нас разные, но и теплыми отношениями не обзавелись. Гобер относился ко всем журналистам одинаково. Не грубил, не оскорблял, но и не жаловал.

— Мсье Гобер, — поздоровалась я.

— Журналистки? — взял слово его спутник. — А вы как здесь оказались быстрее нас?

С этим я не была знакома. Молодой, лет двадцати восьми, быть может, высокий, какой-то нескладный, будто еще не исчезла юношеская угловатость. С чудными, похожими на солому, темными усами и маленькими, постоянно бегающими глаз-

ками. Что-то неприветливое и даже неприятное было в его внешности.

— Мой помощник Бернард Байо, — нехотя представил комиссар и приблизился к телу.

— Берни, значит, — буркнула Дениз, смерив незнакомца недобрый взглядом.

— А вот этого!.. — воскликнул мсье Байо, но договорить не успел.

— Кто из вас обнаружил тело? — перебил помощника комиссар, не поворачиваясь.

И вот мы плавно перешли к неприятной теме. Стало не по себе, хотя как не по себе... Я чувствовала себя откровенно глупо.

— Я, — пришлось все-таки ответить.

— Как? — коротко продолжил опрос мсье Гобер.

Мы с Дениз переглянулись, подруга дернула бровями, давая понять, что помочь ничем не сможет. Я и сама это понимала. Чтобы хоть как-то оттянуть момент, выудила из кармана клочок бумаги и молча протянула его комиссару. Некоторое время мсье Гобер изучал его, вертел так и эдак, а потом перевел пыливый взгляд на мое лицо. Ему не нужно было ни о чем спрашивать, сама поняла, что просто бумажка его не удовлетворит. Молчание затягивалось, и я чувствовала, что с каждой секундой оно выглядит все подозрительнее. Но не говорить же правду в самом деле?!

— Мне подсунули ее под дверь, — выпалила я и чуть было не выдала своего облегчения.

И как эта мысль не посетила меня раньше? С фантазией, прямо скажу, у меня все отлично, но здесь она меня чуть не подвела.

Комиссар поднялся на ноги и сделал шаг ко мне, продолжая сверлить своими недоверчивыми глазами. Я постаралась придать лицу самое невинное выражение. Не скажу, что он купился, но настаивать не стал. Что-то у себя в голове мысленно отметил и спросил:

— Есть мысли, почему именно вам?

— Нет. — Вот тут я ответила абсолютно честно, и это не ускользнуло от моего собеседника. — Была удивлена и некоторое время размышляла, что делать.

— Видимо, недолго, — заключил Гобер, — судя по свежести трупа. Он еще даже не оконченел.

Я вздрогнула и вновь ощутила нехватку воздуха. Голова пошла кругом, поэтому незаметно схватилась за руку Дениз. Это

помогло. Подруга бросила на меня тревожный взгляд, но я кивнула ей, давая понять, что справлюсь.

— Мы не видели лица, но предполагаем, что это может быть Кароль Пети, — чтобы отвлечься выдала я.

Лишь желваки едва дрогнули на лице комиссара, выдавая его беспокойство. Он нахмурился, продолжая смотреть в мои глаза. Фамилия Пети была одной из самых известных в Париже. Богатейшие промышленники, инвесторы, магнаты. Гастон Пети отличался крутым нравом и скандальным характером. Комиссар хорошо понимал, чем все обернется, если эта девушка окажется дочерью такого человека.

— Почему вы решили, что это она?

— Да просто посмотрите, — раздраженно бросила Дениз, указывая на девушку.

— Переверните тело! — рявкнул Гобер и обернулся к сопровождавшим его ажанам.

Спустя минуту не осталось никаких сомнений, что убитой была именно Кароль Пети. Ничем хорошим, ни для меня, ни для комиссара это не могло закончиться. Для комиссара — потому что постоянные головомойки это дело ему уже обеспечило, а для меня — потому что я знала, с кем эта девушка должна была провести вечер.

Глава 2 ПОСЫЛКА ИЗ НИОТКУДА

Ранее утро того же дня...

Я развернулась лицом к окну и сладко потянулась, ощущая приятную усталость в мышцах. Робкий луч солнца скользнул по лицу, заставляя снова прикрыть глаза.

— Амеди, — пробормотала я, пошарив рукой по соседнему месту в кровати, но в ответ лишь тишина.

Села, подобрав колени и прикрывшись простыней. Растрепанные локоны упали на глаза, и я тряхнула головой, отбрасывая их. Легкий ветерок колыхал штору и ворошил бумаги на столе. Прижавшись грудью к коленям, весело взъерошила волосы, снова потянулась и поднялась с постели. Отыскала легкий халатик, вышитый в китайском стиле. Я обожала его мягкость и то, как длинный подол стелился за мной при ходьбе. Вышла на маленький балкон, завязывая широкие ленты пояса. Меня все еще немного мутило после ночи в клубе, нескольких

коктейлей и безудержных танцев, но я все равно прикурила сигарету и жадно затянулась. Если бы мы с Амеди не продолжили веселье в постели, предаваясь страсти, то я, скорее всего, еще чувствовала бы себя немного пьяной.

Хлопнула входная дверь квартиры, послышались тяжелые шаги.

— Амеди! — снова позвала я.

— Опять ты куришь на голодный желудок, Долз! — Горячие руки обхватили мою талию, а губы легко скользнули по шее. Я склонила голову, чтобы не мешать безумно сексуальному приятелю ласкать меня. Еще одно невесомое касание, и я была готова вернуться в спальню. — У тебя, как всегда, пустой холодильник, пришлось сходить в кафе на углу. Иди освежись и будем завтракать.

— Ты не обязан. — Я повернулась к мужчине, который время от времени ночевал у меня.

— Знаю, но если не позабочусь о завтраке, то мы оба пойдем на работу голодными.

— Точно, — признала я и усмехнулась, затушив сигарету.

Амеди Бюжо служил в городском такси, но эта работа являлась лишь средством передвижения или чем-то вроде ширмы. Его главной способностью было умение обзаводиться связями, нужными связями. Этот мужчина зарабатывал в основном тем, что сводил людей, предоставлял нужные адреса и порою выполнял мелкие поручения. Однако мальчишкой на побегушках он себя не ощущал. Многие богачи и знаменитости прибегали к его услугам, не сами, конечно, а с помощью подставных лиц. Но тем не менее Амеди никогда не бедствовал и держался с достоинством.

Я познакомилась с ним случайно несколько месяцев назад. Амеди хоть и редко, но посещал ночные клубы, чтобы выпить и потанцевать. Встреча с ним избавила меня от необходимости искать новых любовников. Нам обоим хватало спонтанных встреч и утех, которые мы друг другу дарили.

Приняв горячую ванну и снова накинув только халат, я села за стол и закинула ноги на соседний стул. Взяла свежую булочку, источавшую божественный аромат, и засмотрелась на идеальное тело мужчины. Мне было с ним хорошо. Я бы даже могла сказать, что мы друзья. Кроме Дениз только Амеди знал меня достаточно хорошо. Однако мы никогда ничего друг другу не обещали. Я не интересовалась, есть ли у него еще кто-то помимо меня, он тоже не интересовался этой стороной моей жизни.

— Яичница с помидорами и зеленью вот-вот будет готова, — провозгласил он и развернулся ко мне.

В серых глазах искрились смешинки, пухлые губы сложились в трубочку. Амеди постучал по ним пальцем и опустил взгляд на мои ноги, с которых соскользнул халат.

— Я бы и рад задержаться, Долз, но у меня через полчаса важная встреча. — Он поиграл бровями и усмехнулся.

— А я и не настаиваю, — сказала, спуская ноги и запахивая полы халата. Непроизвольно надула губы, чувствуя себя немного уязвленной.

Амеди от души расхохотался и поставил на стол тарелки. Его настроение тут же передалось мне. Отправив в рот первый кусочек яичницы, я сладко застонала от удовольствия, чем снова повеселила любовника, который листал свежую газету. Он никогда ее не читал, выискивал лишь нужную ему информацию, быстро пробежал глазами и откладывал прессу в сторону. Амеди довольно быстро позавтракал, допил кофе и встал.

— До встречи, малышка.

Он подошел сзади, легким движением спустил с плеча шелковую ткань и поцеловал мое плечо. Приятные мурашки весело разбежались по телу, спускаясь все ниже и ниже. Я томно повела плечами и выставила вперед вилку:

— Уходи сейчас же, иначе твоя встреча отменится сама собой!

Ответом снова была усмешка. Мужчина вышел из комнаты. Я отпила еще глоток кофе, когда услышала, как он открыл дверь.

— Да, Долз! Забыл сказать! Тебе тут посылка! Кто-то оставил у порога. Мсье Броссар просил передать.

— Спасибо! — только и успела сказать, прежде чем Амеди ушел окончательно.

Я закончила завтрак, убрала посуду, но помыть поленилась. Домашние хлопоты не самое любимое мое занятие. Снова придется просить мадам Броссар прибраться в моей квартире.

С рабочего стола послышался недовольный шорох, и я повернулась на звук, а потом снова зашла в единственную комнату.

— О! — воскликнула, ощутив укол совести. — Простите, мсье Луи, вас-то я не покормила.

Подошла к столу ближе и заглянула в резную клетку. Около года назад, когда я вдруг почувствовала, что в этой квартире мне ужасно одиноко, отправилась на птичий рынок и купила себе компаньона. Дениз долго смеялась, когда мой выбор оста-

новился на крысе, но спустя какое-то время даже прониклась уважением к этому по-своему благородному существу. Зверек встал на задние лапки и забавно сморщил носик.

— Знаю, мой друг, — сказала я, извлекая маленькое пятнистое тельце из клетки, — с моей стороны это совсем непростительно.

Мсье Луи не был похож ни на одного представителя своего вида. По крайней мере, из тех, что я видела в тот день. Стоило мне взглянуть на него, как выбор был сделан. Я четко видела интеллект и осмысление моих слов, как бы безумно это ни звучало. С той самой минуты, как я принесла компаньона в дом, говорила с ним только на равных. Усадив мсье Луи на плечо, я вернулась на кухню, захватив его мисочки. Подсыпала зерна, достала из холодильника заранее приготовленную морковку, подлила воды.

— А теперь, мсье Луи, мне пора на работу.

Я почесала пальчиком смышенную головку и вернула питомца в клетку. Снова закурила, вставив сигарету в мундштук, и распахнула шкаф. Одежду я любила, как и все женщины, поэтому никогда не жалела денег на наряды, обувь и аксессуары. Взглянула на себя в зеркало, отметила легкий счастливый румянец, распахнула халатик.

Большой грудью я не обладала, как и широкими бедрами, но и мои формы считались привлекательными. Плюс я умела использовать природную сексуальность. Темные волосы не хотела подстригать в угоду моде, просто часто укладывала их ровными волнами и закалывала шпильками. Ветерок из окна скользнул по обнаженному телу, и я поежилась. Этот летний денек будет прохладным.

Я выбрала белье и чулки, подмигнула своему отражению выразительным карим глазом и улыбнулась. На душе было хорошо и даже радостно. Так всегда бывало после встречи с Амеди. Этот мужчина знал толк в удовольствиях. Вспомнив ночные ласки, я снова улыбнулась и качнула бедрами, а потом медленно натянула чулки, один за другим. Остановилась на темно-синей узкой юбке ниже колен, легкой блузе с бантом на шее и не забыла про пиджак. Туфельки на ремешках и маленькая сумочка, в которую сложила блокнот, карандаш и портсигар. Немного покрасовалась перед зеркалом, подкрасила и без того красивые губы, над которыми поселилась весьма привлекательная родинка, и, довольная собой, собралась выйти из квартиры.

Взглядом зацепилась за довольно увесистый сверток. Ага, посылка, точно! Совсем про нее позабыла. Нечто, упакованное в грубую бумагу и перевязанное веревкой, оказалось довольно тяжелым. Я вернулась к столу, потеснила мсье Луи и перерезала узел ножом для бумаги. Внутри оказалась печатная машинка. Далеко не новый Ремингтон, пыльный и на вид какой-то устрашающий. Я озадаченно поискала записку или что-то вроде того. Обнаружилась небольшая картонка с коротеньким текстом, удивившим меня еще больше:

«Ваша часть наследства, уважаемая мисс Пэг».

И все. Больше ни строчки. Ни от кого наследство, ни кто именно мне его отправил, ни для чего оно мне. Насколько я знала, почивших родственников, даже дальних, у меня в последнее время не было. Друзей в моей жизни не очень много, особенно в последние два-три года. От прежних я избавилась упорным молчанием и нежеланием встречаться. Новых выбирала очень осторожно, близко к себе никого не подпускала. Так спокойнее.

Еще раз с любопытством осмотрев пишущего монстра, я пожалала плечами, отбросила картонку на стол и сказала:

— Присмотрите пока за ней, мсье Луи. Я вернусь вечером, и мы решим, куда ее определить.

Спускаясь по ступенькам, наткнулась на самого старого обитателя нашего чудесного дома мсье Броссара. Невысокий мужчина лет около шестидесяти с наполовину седой головой, по-отечески ласковым взглядом и всегда наготове добрым словом.

— Доброе утро, мадемуазель! — улыбнулся он своей удивительно приветливой улыбкой.

— Доброе утро, мсье Броссар.

Я радостно приобняла старика за плечи и скользнула губами по шероховатой щеке.

— Я рад, что у вас чудесное настроение с самого утра! — сказал он, похлопав меня по руке ладонью. — Надеюсь, оно не покинет вас до вечера!

— Благодарю! — уже на ходу бросила я и поспешила к метро.

Поскольку у Амеди не было времени подвезти меня, то к новой штаб-квартире издательства газеты «Фигаро 41», которая последние пять лет находилась в бывшем особняке Анри Бамбергера на кольцевой площади Елисейских Полей, мне придется добираться самой. Путь с бульвара Монпарнас, где я жила, был неблизкий, но дорога на работу никогда не утомляла меня.

Легкая прохлада улиц довольно быстро привела меня в чувство. Хмель прошедшей ночи выветрился полностью, я почувствовала себя заметно лучше.

Париж давно проснулся, и сейчас улицы заполнялись людьми, гудящими автомобилями, шумом голосов: приветливых и не очень. А еще запахами свежей выпечки: булочек, пирожных, кренделей и печенья Мадлен. Мои каблучки стучали по асфальту, сердце радостно предвкушало интересный день, и посему улыбка не покидала лица. Отчего-то именно в это утро мне казалось, что жизнь прекрасна и она наконец проявит ко мне благосклонность и вернет былой покой и беззаботность. Что-то в груди шелохнулось, покоряясь возбуждению. Захотелось даже подпрыгнуть, как в детстве, чтобы выплеснуть самые светлые эмоции. Давно я не чувствовала себя подобным образом.

До издательства добралась довольно быстро, еще один плюс к обещанию прекрасного дня. В «Фигаро 41» служили в основном мужчины. Немногочисленные женщины вели скудные разделы о хозяйстве, моде или светскую хронику. В основном всех все устраивало. Лишь я была бельмом на глазу редактора, выпрашивая возможность писать о более серьезных вещах: о науке, исследованиях, изобретениях, новых веяниях в криминалистике. С мсье Лакомбом мы приятельствовали, он любил меня как дочь, которой у него никогда не было, но настоятельно не велел соваться в «мужские» темы. И кто вообще сказал, что они мужские? Мои статьи редактор правил сам, тщательно вычитывая и избавляясь от «неугодных» замечаний, сарказма и насмешек. Я усиленно сопротивлялась, пытаюсь сохранить крупницы собственного стиля в сухом повествовании.

— Тебя ждет Лакомб, — заявила Дениз, стоило мне приблизиться к столу, который мы занимали на двоих.

Я бросила на подругу быстрый взгляд, в ответ она скривилась, давая понять, что «папаша», как мы называли редактора за глаза, не в духе. Меня ждала очередная головомойка. Интересно, за что на этот раз?

— Удачи, Долз! — крикнул Жером Бланкар, мой приятель из тех, что освещает криминальную жизнь Парижа.

Довольно милovidный молодой мужчина с идеально ровным пробором справа, в недорогом, но безупречно опрятном костюме и стильных очках. Очкам Жером уделял особое внимание, считая, что они делают его более привлекательным. На вопрос нужен ли ему этот аксессуар для зрения или же для красоты, мой приятель принципиально не отвечал, желая сохра-

нить интригу. Мы с Дениз посмеивались над ним, но Жером не обижался.

— Она мне не нужна, — ответила я ему и подошла к двери с именем редактора.

Войти сразу не решилась, пытаюсь выбрать линию поведения. Обороняться или с ходу наступать? Предугадать сложно, но иногда мне удавалось погасить негодование мсье Лакомба еще в стадии искры.

— Заходи, Долли! — рявкнул редактор, и я вздрогнула. — Не топчись у двери!

Судя по настроению папаши, сегодня мне основательно достанется на орехи. Пожала плечами и толкнула дверь. Редактор стоял у окна, заложив руки за спину. Его внушительная, чуть полноватая фигура возвышалась над высоким столиком с горячительными напитками, которые он хранил для высоких гостей. Я обратила внимание на грязный бокал со следами пальцев и остатками виски.

— Прямо с утра, мсье Лакомб? Вы не щадите свой желудок, — заявила я, прикрывая за собой дверь.

Редактор нахмурил густые брови, торчащие в разные стороны, и бросил взгляд на бокал. Мои слова ему не понравились, но я всегда говорила что думаю.

— Когда ты займешься Дювалем? — недобро посмотрев на меня, спросил он, и я мысленно закатила глаза.

Вот, значит, откуда ноги растут. Речь шла о заказной статье, написание которой я старательно откладывала последние несколько недель.

— О Дювалях уже все написано, — довольно вежливо, но настойчиво повторила я то, что говорила уже не раз. — О них пишут все кому не лень. Богатые, успешные, красивые, талантливые, влиятельные, изысканные... я так до вечера могу продолжать.

— Тебе не отвертеться от этой статьи, Долли! Я терпеливо ждал и закрывал глаза на неповиновение с твоей стороны! — Голос мсье Лакомба гремел на весь кабинет, не исключено, что его слышала вся редакция. Такое бывало крайне редко. Какая же вожжа ему под хвост попала именно сегодня?

— Несмотря на видимую публичность, Дювали довольно закрыты...

— А меня не волнует! Мне нужна статья об Армане Дювале, и я устал об этом повторять!

Выдержала тяжелый взгляд, сохраняя полное спокойствие. Нападок папаши я не боялась. Буря скоро утихнет, он пожале-

ет, что повысил голос и сменит гнев на милость. Проверено на собственном опыте. Мне доставалось чаще, чем другим.

— Мне неинтересно писать о младшем представителе зарвавшегося семейства, кичащегося своим положением!

И это было истиной. Я намеренно избегала этой темы, испытывая нечто похожее на предубежденное презрение. Не права? Возможно, но ничего с собой поделывать не могла. Во всех статьях, что мне попадались, Дювалей расхваливали так, что оставалось только нимб к фото пририсовать. В такую благодетель я не верила. Все интервью казались одинаково поверхностными, ванильными и неправдоподобными.

— Твои интересы мне побоку, Долли! Сделай, что велено! — снова взорвался Лакомб. — Мне нужна статья до конца недели! Мы единственное издание, не написавшее ни строчки о них!

— И что с того?

— Долли! — побагровел редактор и шагнул ко мне. Впервые в его позе читалась угроза, я сделала шаг назад.

Мое движение заставило папашу застыть на месте, а потом ослабить галстук. Он развернулся к выпивке, плеснул себе еще виски и сел за стол. Я медленно опустилась на стул напротив.

— Мне нужна эта статья, — сказал он и сделал большой глоток.

— Лично вам?

— Да, лично мне, — выдохнул он, глядя мне прямо в глаза.

Такой поворот вынудил меня смириться и затолкать собственное мнение поглубже. Я позволяла себе вольности время от времени, но сейчас явно не тот случай, когда следовало играть на нервах редактора.

— Кто ее заказал? — сдаваясь, спросила я, осознав всю сложность и запутанность ситуации.

— Не знаю, кто именно заказал, но действовал он через кабинет министров.

Вот даже как! Сердце дрогнуло. Я знала, что Дювали имели огромный вес после окончания Первой мировой войны, но кому могла понадобиться статья об Армане, который ни к политике, ни к бизнесу семьи отношения не имел? Или это только слухи?

— Арман Дюваль интервью не дает, на публике появляется редко...

— Вот и примени свое хваленое обаяние, проворство и настойчивость! — надавил Лакомб. — Это серьезно, Долли. Ты ведь хотела серьезных статей?

— Разрешите написать так, как захочу? — Я прищурилась, уже обдумывая, как отыскать не желающего светиться отпрыска именитого семейства.

— Ты в своем уме? Статья только через меня!

Я лишь брови вскинула, встречаясь со взглядом редактора. Он провел широкими ладонями по редующим волосам, а потом растер ими лицо, стараясь прийти в себя.

— Если сделаешь все как надо, я подумаю о том, чтобы ты взяла другую рубрику.

Это было похоже на капитуляцию. Значит, крепко нашего папашу ухватили за причинное место. Я кивнула и поднялась со стула.

— И все же не налегайте на спиртное с утра.

Лакомб поднял на меня глаза, и грудь сдавило жалостью. Несмотря на наши постоянные перепалки, я очень уважала этого человека. Возможно, по-своему любила.

— Прошу, Долли, сделай все как надо.

Я не ответила, лишь кивнула и вышла из кабинета. Вернулась к своему столу, закурила и начала прикидывать, с чего же начать поиски неуловимого Армана Дюваля. Его и в лицо-то мало кто знал.

— Что ты знаешь о Дювалях? — спросила я у Дениз.

Подруга резко повернулась, отвлекаясь от фотокамеры, которую аккуратно положила на стол. Я всегда приступала к новому заданию, начиная с небольшой беседы с помощницей. Размышления вслух помогали мне сосредоточиться и найти все возможные пути осуществления задуманного.

— Сдалась-таки? — спросила подруга, помещая свой зад на угол моей половины стола.

Я откинулась на спинку стула и посмотрела ей в глаза, вкладывая в свой взгляд все, что думала по этому поводу. Дениз лишние объяснения не требовались. Она умела читать в моих глазах то, что я не произносила.

— Северин Дюваль — по большому счету, торгаш, который воспользовался случаем и пробрался наверх, умело обрастая нужными связями и хватая сильных мира сего за горло. Поговаривают, что он нечист на руку, но сама понимаешь, слухи есть слухи. Сейчас он главнейший поставщик оружия и военной амуниции в стране. Его жена Жаклин Дюваль — щедрая благотворительница, обожает искусство, историю и оранжереи. Она всеми силами сглаживает впечатление от бизнеса мужа. Слышет чуть ли не святой. Старший сын Патрис — правая рука отца днем, повеса и гуляка ночью. Клубы, выпивка, дурные наклон-

ности. О среднем сыне Армане и младшей дочери Ивет я почти ничего не знаю. Девушка учится, в истории не попадает, вроде обручена, но это неточно. Арман — темная лошадка. Чем увлекается, занимается, как проводит свободное время и даже как выглядит, мало кто знает. Вроде как ненавидит прессу. Но все это ты и без меня знала.

— Знала... — задумчиво проговорила я, ощущая, как зашевелились шестеренки в голове.

Один выход из положения я точно знала, и он был действенным, но очень не хотелось прибегать именно к нему. Не люблю находиться в должниках. Дениз притихла, предоставив мне возможность обмозговать ситуацию.

И все же выбора не было. Если бы в запасе имелось больше времени, то я бы поискала другой путь. Нехотя сняла телефонную трубку и набрала номер таксопарка.

— Прошу, пригласите мсье Бюжо. В отъезде? Тогда попросите его перезвонить мисс Долли Пэг, это важно. Благодарю.

Взяв этот псевдоним, я всегда настойчиво использовала приставку мисс, а не мадемуазель, хотя знакомые и не очень знакомые люди усердно употребляли второе обращение. Выбор фамилии Пэг не случаен. Это девичья фамилия моей матери, которая была американкой до мозга костей. Моего настоящего имени в Париже почти никто не знал. Даже Дениз.

Чтобы скоротать время, я начала разбирать бумаги, распределять заметки и готовить завтрашнюю статью к редакции. Амеди перезвонил только через час и, когда услышал мою просьбу, присвистнул.

— Ты понимаешь, что это обойдется недешево, Долз? За такую информацию мне придется выложиться втридорога.

И это он совсем не о деньгах говорил. Я понимающе кивнула, хоть мой любовник и не видел этого. Нервно закурила.

— Мне очень надо, Амеди! Причем срочно! Ты можешь разузнать, где его можно найти уже сегодня?

— Эх ты! Режешь без ножа, малышка! — В голосе приятеля слышалась усмешка, но я понимала, что он серьезен как никогда.

— Я до сегодняшнего дня не прибегала к твоим талантам, Амеди, и, если честно, и сейчас делаю это крайне неохотно. Но у меня просто нет выбора. И времени!

— Жди звонка, я посмотрю, что можно сделать, — сказал он и повесил трубку.

Время тянулось бесконечно долго. Я не находила себе места. К тому времени как Амеди наконец позвонил, выкурила почти всю пачку сигарет, а на город спустились сумерки.

— Сегодня вечером Арман Дюваль будет в «Забвении»!

— Это клуб в Латинском квартале?

— Да, называется «Под сводом забвения». Странно, что ты еще там не побывала.

— Никак не собралась вот, — признала я. — Адрес напомним?

— Дом пятьдесят два по улице Галанда.

— Большое спасибо, Амеди! Я твоя должница!

— Это уж точно! — вновь усмехнулся приятель, а потом его голос прозвучал заметно строже: — Будь осторожна, Долли. Если этот человек не выходит из тени, значит, у него на то есть причины.

— Буду, — заверила я Амеди.

Дениз брать с собой не было смысла. Сначала мне нужно осмотреться, или лучше сказать — присмотреться к Арману Дювалю и понять, как добиться того, что требуется.

Поспешила домой, чтобы переодеться. Если отправляться в клуб, то и выглядеть нужно было соответствующе. Долго перебирала платья и решила остановиться на красном, весьма приметном, расшитом пайетками. Оно было, как и прочие, прямым и заканчивалось чуть выше колен, что способствовало демонстрации весьма недурных стройных ног. На голову выбрала черную кружевную повязку с большими драгоценными камнями и одним пером. Черные туфли и сумочка, меховая накидка, вечерний макияж. Я была готова.

Такси доставило меня по нужному адресу уже после десяти вечера. Клуб оказался маленьким даже снаружи, что же ждало внутри? Я поежилась, поскольку тесноту не очень-то любила. Моя стихия — воздух и простор. У входа дежурил одетый в костюм громила, который выставил вперед руку, стоило мне приблизиться:

— Приглашение, — провозгласил он.

— Приглашение? — изумилась я. — В клуб?

— Сегодня у нас проводится закрытая вечеринка, и без приглашения нельзя.

Вот тебе и ловкачка! Найти-то нашла, а как попасть внутрь? Судорожно соображая, выпалила первое, что пришло в голову:

— Точно, мсье Дюваль говорил мне об этом. Я его новый секретарь! — придала выражению лица максимальную уверенность и твердость. Строго выгнула правую бровь.

Громила медленно осмотрел меня с ног и до головы, а я в это время пыталась справиться с напряжением и выглядеть при этом как можно профессиональнее. Позади уже застыла парочка, ожидая своей очереди. Верзила перевел на них взгляд, усмехнулся и кивнул. И мне бы вот задуматься, поостеречься, но я не сделала ни того, ни другого:

— Вы хотите неприятностей? — Я небрежно обернулась, вскользь взглянула на молодого мужчину и очень симпатичную девушку, а потом снова посмотрела в лицо вышибалы. — Мсье Дюваль будет крайне недоволен, если вы меня не пропустите! У вас своя работа, у меня своя. Я должна быть в клубе вовремя, рядом с тем, на кого работаю!

— Все интереснее и интереснее, — слышался веселый голос, и я снова обернулась.

Мужчина, что стоял за моей спиной, откровенно потешался, глядя на происходящее. Его темные глаза буквально впивались в мое лицо, придиричиво его изучая. И ни капли веселья в них не было. Только обворожительная улыбка и убийственные ямочки говорили о приподнятом настроении их обладателя. Довольно высокий, привлекательный, уверенный в себе. Такие знают, чего хотят, и следуют к своей цели, невзирая на препятствия. Однако и некая легкость ему была не чужда. Чувство юмора, скорее всего, тоже присутствовало.

— И что же вам так интересно? — спросила я, задрав повыше подбородок.

— Как же вы можете работать на мсье Дюваля и не знать его в лицо? — спросил он, все так же улыбаясь и все так же прожигая меня взглядом.

Вот дьявол! Вот оно невезение! А ведь день так хорошо начинался! Неужели это и был Арман Дюваль? Горячая волна прошла по телу, но я быстро справилась с собой и сделала шаг к нему.

— Попытка — не пытка! Могло и сработать!

— Не со мной! — возразил Дюваль. — Кто вы?

— Мое имя Долли Пэг...

— А я все думал, когда же ваша хроника доберется до меня? — усмехаясь, перебил он.

— Мне было не особо интересно, вот и не торопилась. — Я пожалала плечами, делая вид, что мне, в сущности, безразличен исход этой встречи.

— Что-то изменилось? — вскинул он брови.

— Другой темы не нашлось, нужно было заполнить образовавшийся пробел.

— Недурно! — рассмеялся мужчина. — Признаю, попытка неплохая, но я не даю интервью.

Я открыла рот, чтобы ответить, но Арман Дюваль мне не позволил:

— И исключений не делаю!

Последние его слова были сказаны твердо, даже немного грубо. Он вернулся к своей спутнице, в которой я узнала Кароль Пети, дочь еще одной знаменитой семьи, и вошел в двери клуба.

Что ж, в этот раз не вышло, но я не собиралась сдаваться. Рано или поздно Арману Дювалю придется со мной поговорить. Осмотрелась и нашла пустующее такси. Закурила, обдумывая свой следующий шаг.

Домой пришла слегка сердитой и усталой. Выпила кофе, немного почитала, чтобы успокоиться. О чем читала, толком не поняла, потому как мысли продолжали блуждать вокруг встречи с Дювалем. Так прошел час, а может, и два. Прямо перед тем, как отправиться спать, вспомнила про нечаянное наследство из ниоткуда. Стоило подойти к машинке, как я удивленно замерла. Из нее торчал листок с напечатанным текстом: 77, улица де Варенн. «Врата ада».

Глава 3 Я ЭТОГО НЕ ПИСАЛА...

После того как имя жертвы прозвучало, вокруг тела воцарился хаос. Эксперты, фотографы и ажаны суетились, будто им уже зад поджарили. Мы отошли чуть в сторону и, выудив из сумочки блокнот, я написала несколько фраз.

— Дениз, — прошептала подруге, протягивая сложенный листок, — беги в редакцию, сделай фото и вызови Жерома. Пусть подготовит статью на первую полосу. И смотри, чтобы авторство мое сохранил!

Девушка посмотрела мне в глаза и развернула листок. Всего несколько громких предложений, но для такого рода статьи пока достаточно. «Фигаро 41» должна была стать первой, кто разнесет эту новость по Парижу. Я написала о трупe юной Кароль Пети и о том, что накануне она была замечена в компании Армана Дюваля. Эта весть станет настоящей бомбой. Я понимала, что действовать с подобными фамилиями нужно осторожно, но написано было в крайней степени деликатно. Я не любила голословных обвинений, не пыталась навязать свое

мнение парижанам, просто излагала факты, точно зная, что могут сделать с человеком неосторожные слова.

Дениз кивнула и, осмотревшись, скользнула в тень, а потом и вовсе растворилась во мраке. Мне хотелось все сделать самой; сообщить о произошедшем, чтобы редакция зашумела и закопошилась, как улей, хотела видеть, как верстальщики пытаются перекроить полосу, чувствовать, как перед сдачей в печать внутри все замирает от предвкушения. Но Гобер ясно дал понять, что я ему еще нужна. Тут выбирать не приходилось. Стоило комиссару очнуться, и новость вообще не выйдет в свет.

На месте преступления мы провели еще около часа, а потом вместе с комиссаром я отправилась в полицейский участок, где мои показания тщательно запротоколировали. Об Армане Дювале рассказать все же пришлось, хоть и не хотелось. Я очень надеялась воспользоваться нашей с ним вчерашней встречей. Как только меня отпустят, снова обращусь к Амеди. Мне во что бы то ни стало нужно найти Армана и поговорить с ним первой. Даже для полиции Дювали не делают исключений. К ним не так просто подобраться. Ночью Гобер к именитой семье сунуться не посмеет. Пока он будет искать Армана, выпрашивать позволения поговорить с ним, я могу успеть раздобыть эксклюзивное интервью.

Безусловно, Гобер не мог не заметить исчезновения Дениз. Он не кричал, не махал руками, но на висках от гнева вздулись вены. Когда комиссар велел мне даже не думать о появлении страшной новости в прессе, было уже поздно.

Улучив момент, я позвонила в редакцию. Дениз громким шепотом сообщила, что Лакомб заперся с новостью в кабинете, отредактировал и лично отнес в печать. Она не забыла при этом отметить, что папаша был крайне чем-то недоволен. Положив трубку, я вновь подумала о заказной статье. Имя Армана Дювала засветится в утреннем выпуске, это, конечно, не интервью, но уже кое-что. На душе было скверно, словно я предчувствовала недоброе. На миг в голове промелькнула мысль — а не потропила ли я?

Домой добралась, когда светало. Комиссар попросил своего помощника мсье Байо отвезти меня на машине. Я сварила кофе и набрала ванну. Теперь можно более или менее расслабиться. Лицо Кароль и ее рана на животе преследовали меня повсюду, но в участке я старательно отмахивалась от страшных картинок. В своей квартире будто выдохнула, ощущая, как напряженное тело дает сбой. Я устала, нервы были на пределе, стоило расслабить руки, сжимавшие сумочку, как они задрожали.

Погрузилась в воду с головой, забывая, что не потрудилась снять макияж. Вынырнула, пригладила ладонями волосы и позволила воде стечь с лица. Отец учил меня быть сильной и никогда не показывать слабости посторонним. Он хотел, чтобы я могла обезопасить себя, никому не давая возможности уязвить меня. Папа не был жесток, но у него имелись причины на подобные установки.

Некоторое время я неподвижно лежала, чувствуя, как расслабляются мышцы, как из них уходит напряжение, как к сердцу подбирается страх. На одно короткое мгновение кровь застыла в жилах, и я почувствовала удушье. Взялась за горло и начала хватать ртом воздух, пытаюсь отогнать непрошеную панику. Пришлось снова погрузиться с головой, а потом выбраться из ванны, которая уже не приносила успокоения.

— Мсье Луи, — прошептала я, доставая компаньона из клетки.

Маленький носик скользнул по щеке, усики задвигались. Присутствие живого существа помогло вновь ощутить твердость. Это маленькое создание даже не представляло, что изо дня в день спасало меня от безумия. Мсье Луи не задавал вопросов, не надоедал, не лез в душу. Вот в чем прелесть животного, вот почему я не заводила постоянных отношений и отгораживалась от мужчин, которые вызывали что-то большее, чем сексуальный интерес. Амеди очень подходил мне как раз тем, что его тоже устраивали именно такие отношения, которые установились между нами. Ему не нужна была жена и хозяйка, он, как и я, не привязывался к людям. Нам нравилось проводить время вместе, и это все, ничего больше.

Я села на стул, закинула ноги на ограждение балкона и закурила, встречая рассвет. У меня есть время, чтобы собраться с мыслями перед звонком любовнику. Мне все меньше нравилась мысль использовать его, но я пообещала себе, что это в последний раз, и заглушила вопли совести.

Сняла телефонную трубку, сделала вдох и набрала нужный номер. В этот раз Амеди оказался на месте:

— Я знал, что ты позвонишь снова, — устало усмехнулся он.

— Прости, Амеди, но дело усложнилось...

— Не объясняй, — прервал приятель, и я услышала тяжелый выдох.

— Я уверена, что ты воспользовался возможностью и узнал не только то, что сказал вчера. Ты не из тех, кто останавливается на полпути.

— Оказывается, ты хорошо меня знаешь, Долз. — Амеди замолчал, я не стала прерывать его размышлений. Просто ждала, выкручивая пальцами провод. — Я не хочу лезть в твои дела, но ты должна быть полностью уверена в том, что делаешь. Об Армане я знаю очень мало, как и многие, но о его отце каких только слухов не ходит.

— Мне нужно всего лишь интервью, Амеди, — не слишком уверенно проговорила. Я уже и сама точно не знала, что именно мне нужно.

— Он живет в «Хилтоне» под именем Анри Анен, — сдался мой приятель. — Я прошу не говорить, откуда у тебя эта информация. Стоит мне подставиться, как я растеряю источники. Это моя жизнь, Долли, которую Дювали растопчут и не заметят.

Я впервые слышала, чтобы Амеди боялся. Возможно, это и не было откровенным страхом, но вполне здравым опасением, точно.

— Обещаю, — сказала и медленно опустила трубку на рычаги.

Мне вдруг показалось, что, делая этот шаг, я тоже могу утратить вполне привычную и устоявшуюся жизнь, которая меня устраивала. Чтобы не передумать, распахнула шкаф и выудила из него самый дорогой деловой костюм, который у меня был. Я никогда не испытывала недостатка в деньгах. Газета платила немного, но в банке у меня имелся приличный счет, ежемесячно пополняемый отцом. Я не была гордой, заверяя родителей, что достигну всего сама, но и транжирой меня назвать нельзя. По магазинам ходила редко, покупала немного, но все вещи были дорогими, достойными фамилии отца.

Вот и сейчас, готовясь к встрече, я понимала, что в дверях отеля меня будут встречать именно по одежке. Внешний вид был крайне важен, чтобы портье не развернул меня у порога. Признаться, этот элегантный бордовый костюм я еще не надевала. Было некуда. Думала порадовать маму, если она приедет в столицу. Сел он идеально. Повозилась некоторое время с прической и макияжем. Ничего лишнего, строго и холодно. Добавила маленькую шляпку с короткой вуалью и перчатки как завершающие штрихи. Взглянув в зеркало, сама себя не узнала. Лицо после непростой ночи выглядело бледным и контрастировало с цветом наряда. Смотрелось странно, но удивительно притягательно.

До улицы Сен-Лазар, где располагался отель, доехала на такси. Сердце стучало в груди взволнованно, эта встреча и этот разговор не будут похожи на вечернее игривое щебетание, кото-

рое никого и ни к чему не обязывало. До сего дня все мои статьи были сугубо развлекательными, но после вчерашнего настрое-ние интервью будет иным.

Я вошла в просторный холл древнейшего отеля столицы и, нацепив маску полнейшей уверенности, осмотрелась. «Хилтон Париж Опера» встретил меня утренней тишиной. Жильцы еще спали, а вот обслуживающий персонал, привыкший пробуждаться с первыми лучами или затемно, уже раскладывал приборы в ресторане, распределял почту и получал инструкции.

Вежливый портье мгновенно оценил меня взглядом и расплылся в приветливой улыбке:

— Чем могу помочь, мадемуазель?

— Я хотела бы передать записку в номер Анри Анена.

Сложно представить, сколько всего странного, пикантного, страшного или смешного эти люди видят, пока обслуживают господ. Хозяева престижных отелей всегда ценят в своих сотрудниках услужливость, деликатность и немногословность. Персонал должен уметь быстро реагировать, закрывать глаза на то, что их не касается, и действовать только в интересах отеля и его посетителей. Путешествуя с родителями, я хорошо это знала. Как и думала, портье не стал задавать лишних вопросов. Он положил передо мной чистый листок бумаги и карандаш.

Всю дорогу до отеля я сочиняла короткое, но емкое сообщение, которое заставило бы Армана Дюваля согласиться на встречу. Мои слова не должны звучать угрозой или нести в себе вызов, иначе мой поступок возымел бы противоположный эффект. Я совсем не знала этого человека, поэтому попытка у меня была всего одна. Черкнула несколько слов, поставила свои инициалы и передала записку портье, который тут же вызвал дежурного по нужному этажу.

Ждать пришлось довольно долго. То ли Арман обдумывал мои слова, то ли приводил себя в порядок. Сердце робко дрогнуло, когда дежурный подошел ко мне и учтиво поклонился:

— Мсье Анен приглашает вас к завтраку в свой номер.

Я задумалась, но только на мгновение. Принять предложение означало позволить собеседнику вести разговор с позиции силы, но, оценив свое внутреннее состояние, поняла, что не готова сражаться на его территории.

— Прошу вас, передайте мсье Анену, что я жду его в ресторане.

Не дожидаясь ответа, я развернулась и проследовала в открытые двери ресторана. По дороге мне встретился юноша с охапкой свежей прессы. Взгляд выхватил заголовок на первой

полосе «Фигаро 41». Я резко остановилась и вытащила одну газету из стопки. Юноша чуть было не возмутился, но вовремя спохватился и ретировался, оставив меня гореть в огне. Заголовок о найденном в парке трупе Кароль Пети был моим, а вот дальнейшее заявление повергло в шок. Исправив мои заметки, Лакомб прямым текстом обвинил Армана Дюваля в жестоком изнасиловании и убийстве своей подруги, дочери известного промышленника Гастона Пети. Утверждалось, что именно Арман был последним, кто видел бедняжку живой.

Вслед за жаром внутри все похолодело. Под статьей стояло мое имя. Мне потребовалось время, чтобы вновь овладеть собой и постараться выровнять сердцебиение. Получилось не очень. Начищенный до блеска пол холла пошатывался, казалось, что мир перевернулся с ног на голову. Никогда прежде папаша Лакомб не поступал так со мной. Срочные статьи, продиктованные по телефону или переданные из уст в уста через доверенных людей не редкость для любого издания. Наша работа основана на доверии. Даже моя рубрика всегда несет в массы лишь достоверную информацию, подкрепленную фактами. Я предпочитала не оглашать информацию, в которой не была уверена.

Медленно приблизилась к первому попавшемуся столику и присела, ощущая, как дыхание вновь учащается. Паника не хотела так просто отступать. «Фигаро 41» не посредственное издание, довольствующееся лишь громкими заголовками, а хорошо зарекомендовавшая себя ежедневная газета с установившимся авторитетом и заслуженным доверием читателей.

— С вами все хорошо, мадемуазель? — склонился надо мной официант.

Я подняла голову и встретила искренне взволнованные голубые глаза совсем юного парня с румяными щеками.

— Да, — кивнула в ответ, а потом коснулась его локтя, — если вы принесете мне стакан воды, я буду признательна.

Юноша, обрадованный тем, что может быть полезен, тут же отправился выполнять просьбу. Я расстегнула пуговицы пиджака и положила сумочку с перчатками на стол. Этот ресторан стал тесным для меня, но встать и уйти не было сил.

С тех пор как я приехала в Париж, очень мало людей добились моего полного доверия и расположения. Мсье Лакомб стал одним из таких. Человек, чью семью я хорошо знала, у кого не раз бывала на ужине, с чьими детьми играла. После смерти первой жены папаша женился поздно, дети у него были еще маленькими. Поэтому поступок редактора стал ударом для меня.

Он не просто обвинил отпрыска Дювалей в гнусном убийстве, что само по себе повлечет за собой последствия, но и отчего-то решил подставить меня.

Розовощекий юноша вернулся быстро, протянул стакан воды, который я жадно осушила, ощущая, как прохладные глотки немного успокаивают пламя внутри.

— Спасибо, — поблагодарила я и выдавила из себя улыбку.

— Может, вам подать завтрак? Чашечка ароматного кофе порою творит чудеса. — Столько приветливого благодушия было в его голосе, столько участия, что я догадалась, насколько плохо выгляжу.

— Как вас зовут?

— Эмиль, мадемуазель, — ответил он, чуть склонив голову.

— Вы правы, Эмиль. Принесите две чашечки кофе для начала, — попросила я его, предполагая, что Арману Дювалю крепкий напиток тоже не повредит.

Юноша удовлетворенно улыбнулся и снова удалился. А мне пора было брать себя в руки. Сбегать не входило в мои привычки, и лучше сейчас прояснить все, что случилось, чем прятаться от семейства Дювалей, не представляя, что меня ждет. Я поднялась на ноги, выбрала столик у окна и присела, развернувшись к входу в ресторан. Предпочитала видеть лицо Армана, когда он придет. Каким бы боевым ни был мой настрой, внутри все равно все сжималось, а руки холодели.

Мсье Дюваль вошел решительно, замер у входа, медленно осмотрел зал и остановил свой взгляд на мне. В животе завязался тугой узел, но я тоже смотрела только на Дюваля, чтобы он не заметил, как я напугана. Насколько могла спокойно скользнула по Арману взглядом, отмечая шикарный костюм графитового цвета, белоснежную сорочку, сверкающие запонки. Сейчас на его уверенном лице не было и тени вчерашнего веселья, не красовались ямочки, губы не расплывались в усмешке. Я не могла не заметить газету, зажатую в правой руке. Невольно сжала кулаки, спрятанные под столом, когда Арман Дюваль приблизился.

Он кивнул в знак приветствия, положил газету на стол, первой полосой вверх и сел напротив меня. Поразила собственная выдержка, когда темные глаза уставились в мои и вызвали в душе настоящий ураган. Совершенно не представляла, чего ждать от человека, которого якобы обвинила в убийстве. Никто из нас не спешил начинать разговор. Арман просто продолжал смотреть мне в глаза, а я смотрела в ответ.

Эмиль принес кофе, аккуратно поставил перед нами и замер в ожидании дальнейших распоряжений. Мне показалось, что этот чуткий юноша очень хорошо прочувствовал напряжение между мной и Арманом, поскольку взгляд его взволнованно заметался.

— Вчера вечером мне на мгновение показалось, что вы не похожи на других журналистов, — внезапно начал Арман, и, как только первые слова прозвучали, официант тут же испарился. — Да, вы потрудились, чтобы отыскать меня и выбрали необычный способ встретиться, но не вызвали у меня отвращения, как прочие. Все это показалось мне даже забавным. Однако сегодня утром я понял, что вы, как и все, гонитесь лишь за сенсацией, используете непроверенную информацию и изо всех сил пытаетесь засветиться на первой полосе за счет кого-то другого.

Мсье Дюваль ни разу не повысил голоса. Говорил ровно, спокойно, твердо. Но в этот момент я готова была вынести крик, проклятья и прочее, но никак не эти давящие упреки. Каждое его слово причиняло боль, каждое задевало за живое.

— Все не совсем так, как кажется, мсье Дю... Анен. — Я осеклась, а потом осмотрелась. Мне было неизвестно, знают ли здесь настоящее имя этого человека. Не хотелось еще и дома его лишиться.

— А как кажется, мисс Пэг? — Мужчина закинул ногу на ногу, сделал глоток кофе и с громким лязгом поставил чашку обратно на блюдце. Только в этот момент я впервые увидела гневные искры в глазах Армана. — Кажется так, что в погоне за ошеломительной новостью вы использовали нашу вчерашнюю встречу как некое доказательство того, что я убил несчастную Кароль.

— Если это не так, то вы с легкостью можете доказать это, — следя за тем, чтобы голос не дрогнул, ответила я.

Я оказалась в довольно затруднительном положении. Очень не хотелось жаловаться на редактора, пытаться мямлить и оправдываться, доказывая, что моя статья первоначально выглядела совсем иначе. Не думаю, что мсье Дюваль сейчас был готов поверить мне на слово. Мне нужны были действия, поэтому в голове начал зарождаться план.

— Я не обязан никому и ничего доказывать.

— Придется, ведь полиция скоро навестит вас. Они уже знают, что я видела вас с мадемуазель Пети.

— Откуда? — чуть приподнял он брови. — Из газет?

Дюваль мог и не задавать этого вопроса, но я чувствовала, будто он видит меня насквозь. Он знал или чувствовал, что я еще не все сказала. Взгляд Армана стал настолько пронзительным, что мои губы сами зашевелились.

— Это я нашла ее, — сказала тихо и отвела глаза в сторону.

Я услышала, как скрипнули ножки стула, и почувствовала, как Арман положил локти на стол, приближаясь ко мне.

— То есть как?

— Я обнаружила тело Кароль Пети этой ночью, — чуть громче повторила.

— Это я понял, но почему именно вы? Как так получилось?

Я сделала глубокий вдох и вновь повернулась к собеседнику. Не думаю, что мой рассказ о том, как все произошло, помешает следствию. Чтобы не прослыть сумасшедшей, Арману тоже сказала, что записка была под дверью, хотя именно на этих словах он недоверчиво прищурился, но возражать не стал.

Когда я замолчала, мсье Дюваль некоторое время размышлял, а потом отыскал взглядом Эмиля и велел подойти.

— Замените кофе, этот совсем остыл, — велел он, указывая на обе чашки. — И принесите завтрак. Не важно что.

Заметив, как ресторан заполняется постояльцами, спустившимися к завтраку, я ощутила легкое облегчение. Мы с мсье Дювалем не были достаточно знакомы, чтобы я могла предугадать, когда именно грянет буря. Пока он держался спокойно и даже немного безразлично, будто его имя в одном предложении со словом «убийца» никак его не задевало. Мужчина задумчиво закурил, я сделала то же самое.

— Она была обнажена? — спросил он.

В голове тут же всплыла леденящая душу картина: бледное тело в шелковых панталонах и в одном чулке. Я выдержала серьезный взгляд Дюваля и кивнула.

— Исходя из этого вы решили, что она была изнасилована?

Чтобы не отвечать так сразу и откровенно не лгать ему в лицо, я затаилась и медленно выпустила дым. На самом деле я понятия не имела, была ли Кароль изнасилована. Не представляла, что из написанного Лакомбом было фактами, а что голым вымыслом. От мыслей об этом в душе снова вспыхнул пожар. Я отчаянно хотела получить ответы, поэтому знала, что сразу после этого более чем странного завтрака отправлюсь в редакцию. Молчание затягивалось, но Армана оно, похоже, не тяготило. Он очень внимательно следил за изменениями на моем лице, за каждым движением и взглядом.

— Информация об изнасиловании подтверждена?

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Музей Родена	5
<i>Глава 2.</i> Посылка из ниоткуда	12
<i>Глава 3.</i> Я этого не писала...	24
<i>Глава 4.</i> Непростой разговор	36
<i>Глава 5.</i> Лучше бы открыла шкаф	47
<i>Глава 6.</i> Дювали	58
<i>Глава 7.</i> Дом девятнадцать по набережной Бурбон	69
<i>Глава 8.</i> Странная квартира и загадки спиритуалистов	80
<i>Глава 9.</i> Сокровище или проклятие Бертленов	91
<i>Глава 10.</i> Оскверненный сад	102
<i>Глава 11.</i> В тени сирени и отцовской заботы	110
<i>Глава 12.</i> Новая встреча с «Забвением»	119
<i>Глава 13.</i> Расплата за близость	128
<i>Глава 14.</i> Ужасы не заканчиваются	142
<i>Глава 15.</i> Гобер и его подозрения	154
<i>Глава 16.</i> Немного покоя в парке Бют-Шомон	164
<i>Глава 17.</i> Откровения	174
<i>Глава 18.</i> Новый удар	184
<i>Глава 19.</i> Стрельба, собаки и забор	196
<i>Глава 20.</i> Секреты Амеди	206
<i>Глава 21.</i> Час от часу не легче	219
<i>Глава 22.</i> И ничего, кроме тьмы	230
<i>Глава 23.</i> Возвращение к началу	245
<i>Глава 24.</i> Каланки	263
<i>Эпilog</i>	278